

Некоторые вопросы конструкции жилищ у тюркоязычных народов

Этническая картина мира моделирует вселенную как макромир на уровне «природа и человек», а освоенное пространство земного мира как микромир в виде взаимосвязи «человек-культура». Деление внутреннего пространства жилища человечество отражает устойчивый комплекс представлений о строении мира и механизме ориентации в нем согласно выработанным этикетным предписаниям своих предков (1).

В мире с древних времен по историко-этнографическим материалам есть два вида юрты: первый из них кыпчакская – казахская юрта и второй вид – монгольская либо калмыкская юрта. Следует отметить, что кыпчако-казахская юрта имеет форму полусферы как микромир, где присутствует великолепный «шаңырақ» - купол и самое главное отличие от монгольской юрты в казахской юрте есть замечательный «уық» из за чего общая форма юрты становится идеально конструктивно красивой, основой юрты является «кереге», что служит основой казахского жилища. Казахская юрта является конструктивно идеальной как по внешнему фактору так и по внутренней семиотике и семантике. Мне думается, что основой многих юрт- конструктивных жилищ у других народов является кыпчако-казахская юрта. Казахская юрта имеет свою протооснову у сако-скифской дуальности и она имеет продолжение по исторической преемственности. У тюркоязычных народов южной Сибири в частности у алтайцев есть жилище как переносное, так и временное, характеризуются разной конструкцией: от деревянной до войлочной, от многосторонней до конической форм. Все разнообразные типы жилищ имеют круглую конструктивную форму в плане внутреннего пространства, где присутствует гармоничное отношение в семье. С одной стороны, эта характерная форма организации «одомашнивания» пространства, где присутствует тонкая грань семантики и семиотики отношении людей, с другой - общепринятая форма социальной организации ритуала или трапезы в виде «круга» и она являлась гармоничной формой в жизнедеятельности тюркского этноса.

С древнейших времен у номадов местом традиционного поселения являлся «жұрт»- жилище, в котором проживала семья, и прилегающие к ней хозяйственные постройки обозначались словом «жұрт» «jurt» отсюда слово «юрта» , само жилище, войлочное или срубное, называлось «айыл». В современном этапе алтайская семья поселялась в избе, построенной по русскому образцу, традиционный алтайский айыл устанавливался рядом как временное летнее жилище. Это замечательная традиция протономадов присутствует в казахской жизнедеятельности. В современном этапе в казахском ауле есть рядом с современным кирпичным либо саманно-кирпичным домами есть национальная юрта. Характерно, что в реконструкции казахской юрты семантическое значение его внутренней планировки сохранилась. На данном этапе и у алтайцев жилище-айыл - юрта во дворе дома является одним из этнических маркеров.

Юрта у алтайцев строго ориентирована по сторонам света, причем

входом на восточную сторону, что является древней традицией тюркских народов. Восток, где встает солнце, ассоциируется с жизнью и считается благоприятной стороной света. Обычно налево от входа, с мужской стороны жилища, стоит коновязь «чаки» как символ гостеприимства хозяев. Внутри юрты, напротив дверей, находится почетное место «төр», снаружи эта сторона направлена на запад. Относительно человека, находящегося в юрте и обращенного к дверям, внутреннее пространство делится на правую «он жаны» и левую стороны «сол жаны» по алтайскому языку по оси «восток-запад»: от входа через центр к противоположной части юрты - правая это южная сторона, а левая – северная (2).

Жилище объединяет членов семьи, его внешнее пространство разделяет ее. Принцип деления по полу выступает в горизонтальном отношении оппозицией «правый-левый». Традиционно правую от «төр» половину юрты занимали мужчины, отсюда она называется «мужской» «эр жаны» у алтайцев, следовательно, левая - женская сторона «эпши жаны» по алтайский означает «сестра» т.е. женская сторона. В обыденной жизни у алтайцев правая мужская сторона оценивалась как наиболее почетная, нежели левая женская. Деление внутреннего пространства по полу определяло функционирование пар таких категорий как «сакральная-мирская», «гостевая-хозяйственная».

У всех тюркских народов женская половина выполняет хозяйственную функцию, где происходит формирование нового и символическое его завершение. Это видно по расположению предметов на данной стороне. Обычно около почетного места «төр», на женской половине, в соответствии с представлениями алтайцев об определяющем значении матери в продолжение рода, находилась кровать, женский вещевой набор. В хозяйственной женской части жилища размещались продукты, утварь, полки, ближе к выходу инвентарь, дрова и прочие предметы.

У многих тюркоязычных народов в правой мужской половине располагались культовый набор, скотоводческий и охотничий инвентарь, вещи хозяина, постель для детей и гостей. Здесь приобретает актуальность вертикальная структура, чем ближе к почетному месту «төр», тем считается символически почетнее: мужские вещи ставились ближе к почетной части жилища, то есть выше, а женские вещи на левой стороне юрты. Это ритуальное противопоставление можно объяснить патри локальностью брака, также био-социальной и социо-культурной неравностью мужчины и женщины. Словом, каждой половине юрты соответствовал определенный набор вещей и их правильное расположение, которое нельзя изменить, иначе это приведет к нарушению порядка в микромире то есть в юрте.

Внутреннее пространство имеет несколько знаков-символов, выступающих как обереги-хранители, что превращает жилище в сакрально освоенное пространство [3]. Идею противопоставления пространства жилища внешнему миру выражает очаг - семейный центр и наиболее почитаемый объект в юрте. Следовало строго придерживаться этикетных предписаний: не проходить между очагом и сидящим возле него человеком. Запрет наступать на почетное место «төр», где находился семейный алтарь - «жайык», и проходить

между ним и очагом был зафиксирован еще в начале XIX в. [4] Огонь очага это символ культурного мира у тюркских народов, от которого зависит благополучие семьи, поэтому следовало придерживаться следующих запретов. В очаг нельзя лить молоко или воду, бросать мусор, плевать, мешать в нем золу, касаться огня ножом, гасить огонь в очаге, переступить его. Нарушение их могло предвещать падеж скота, распад семьи, вымирание рода и другие неприятности, что не следует делать в отношении огня.

Очаг как семантический центр юрты организует ее внутреннее пространство по принципу «почетный - менее почетный» согласно антропоморфизации огня очага. Об этом, собиратель алтайской этнографии начала XX в., А.В. Анохин отмечал, что в представлении алтайца огонь олицетворен. Он имеет голову, ноги и прочие атрибуты человека как вещественные, так и духовные. Огонь антропоморфное существо. На этом основании в юрте категория огонь в сторону «төр» имеет голову «оттын бажы», а в сторону двери - ноги «оттын эдеги». Зола «күл» его постель, пламя «жалкын» его уши «кдлак». В казахской этимология «жалын» означает категорию пламя и категория уши звучит как «күлак».. Там, где голова огня, нельзя ходить женщине и посторонним людям. Можно пройти только около его ног. Место между сидением хозяина и самим очагом самое высокое и почетное место во всей юрте, потому что тут находится голова огня» [5]. В отличие от горизонтального деления жилого пространства на мужскую и женскую стороны, его вертикальное деление определяется по степени почетности: от наиболее почетного места «төр» к порогу согласно возрастного принципа.

Другим семантически значимым объектом у алтайцев является дверь «эжик» и порог «позого». Универсальное толкование значения категория двери как «границы двух миров». По поверьям у алтайцев дверью нельзя громко хлопнуть, держаться за косяки, прикасаться к ее верхней части. Порог юрты почитаем, потому что он оберегает семью и, в силу этого, является запретным местом: на него нельзя наступать, лишь перешагивать; на него нельзя садиться, в противном случае будут бедность и лишения.

Относительно входа в жилище строго выполнялся ряд этикетных предписаний. Согласно обычаю гостеприимства, гостя встречают у коновязи, принимают повода его коня, помогают спуститься, придерживая стремяна, а затем под руки вводят в юрту. Если к юрте подходил человек, его не встречали, то он голосом или кашлем давал о себе знать и лишь после этого заходил в жилище. При этом не полагалось резко открывать дверь, шумно входить и разговаривать через порог. В XIX в. в ритуале приветствия соблюдался обмен трубками и табаком, а также расспросами о состоянии скота, благополучии родных [6]. Речевой этикет наших дней ограничивается кратким приветствием о состоянии дел и семьи. Интересен вывод о том, что в ритуале приветствия заложен «отголосок когда-то семантически значимого «переходного» ритуала: пересечение границы двух миров, один из которых снаружи, другой - внутри, первый - чужой, второй - свой» [7].

Во время приема гостей регламентировалось расположение всех присутствовавших согласно этикету значимым концепциям деления домашнего

пространства. На почетном месте «төр», находящемся за очагом, на мужской его половине сидел хозяин, а на женской - хозяйка. В их отсутствии места эти никто не занимал. Такое правило отражает соединение культа домашнего очага и культа родовых предков. Вошедшие располагались по возрасту и рангу, таким образом, что старшие были ближе к хозяевам, а младшие ближе к дверям - мужчины на мужской, женщины на женской стороне. А.В. Анохин отмечает что, «другие места, идущие полукругом от хозяина и хозяйки к двери, считаются обычными местами. У самой же двери или около стоящего здесь корыта суть места для низкого ранга людей. Таким образом, как мужская сторона, так и женская имеет три деления: высшее, среднее и низшее» [8]. Желая выразить предпочтение гостю, приехавшему издалека, обычно говорят: Төр отулар»- Садитесь выше или Ичкери отулар- Садитесь вперед. Согласно семантическим оппозициям жилого пространства - «правый-левый», «впереди-позади», «выше-ниже», «старший-младший» определялись этикетные предписания участникам общения.

У тюркоязычных народов освоенный мир человека наполнен особой семантикой. Изучение семантики жилого пространства юрты позволяет осветить «язык» символов в алтайском этикете, согласно которому позитивным значением наделяется ряд признаков «правый - старший - передний - высокий - внутренний», напротив негативное понятие связывается с противоположными позициями «левый -младший - задний - низкий — внешний». От правильного соблюдения этикетных предписаний зависело благополучие жизни.

Таким образом конструкция жилища у тюркоязычных народов является как материальной так и духовной категорией в их жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. С. 16; Кляшторный СТ. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках//Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 121.
2. Потапов Л.Р. Жилище //Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961. С. 132-150; Тихонов С.Н. Традиционные жилища алтайцев // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 55-64; Тоцакова Е.М. Основные жилища у алтайских племен до революции // Известия СО АН СССР (серия общ-ых наук). Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 113-119; Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1986. С. 9-10.
3. Вайнштейн СИ. Мир кочевников центра Азии. М., 1991; Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988; Сагалаев А.М., Октябрьская и др. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988; Содномпилова М.М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск, 2005; Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989. С. 136-139; ТадинаН.А. Алтайская свадебная обрядность. Горно-Алтайск, 1995. С. 55-64.
4. Байбурин А.К. Семантический статус вещей в мифологии // Материальная культура и мифология. Сб. МАЭ. Л., 1981. С. 215-226; Цивьян Т.В.

- Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С. 5-6.
5. Архив МАЭ РАН. Ф. 11, оп. 1, N 113, л. 4-5.
 6. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893. С. ; Радлов В.В. Из Сибири: С. 167.
 7. Жуковская Н.Л. Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986. С. 123.
 8. Архив МАЭ РАН. Ф. 11, оп. 1, N 112, л. 7.